

The article deals the essence of numeralized verbal syntactic transposition. Numeralized verbalizats are differentiated according to semantic potential at the core and the periphery. The important groups, that form the centre and the periphery of analyzed transpositions, are selected and characterized. The author determined the effect of semantic numeralized verbalizats on morphological explication of subjective component.

Keywords: transposition, verbalization, predicate, semantic group.

Надійшла до редакції 20 серпня 2012 року.

Анна Рыжкович

УДК 811.161.1'36

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ПРЕДЛОГИ С ЛЕКСЕМАМИ «ВРЕМЯ» И «ЧАС» В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

У статті наводяться списки прийменникових одиниць з лексемами «час» і «година» в російській і білоруській мовах, описуються парадигми прийменникових одиниць із вказаними лексемами, розглядаються види синтаксем, що утворюються формантами, які містять лексеми «час» і «година».

Ключові слова: прийменник, прийменникова парадигма, синтаксема, лексичний компонент синтаксеми, формант синтаксеми.

Категория темпоральности в силу ее универсальности имеет в любом языке множество средств выражения, в том числе и разноразноуровневых. Имеются они и в предложных системах. Пока неизвестно, какие сегменты семантической структуры поля темпоральности способны покрывать предлоги и какова доля этого покрытия по отношению ко всему полю темпоральности в каждом из языков. Но предположить, что она велика, можно хотя бы по количеству предложных единиц (предлогов и изофункциональных им лексем) с темпоральной семантикой в русском и белорусском языках: по нашим подсчетам, сделанным на основании лексикографических источников обоих языков, включая реестры авторского коллектива под руководством М.В. Всеволодовой [Всеволодова и др.] (в печати) и М.И. Конюшкевич [Конюшкевич 2008-2011], в русском языке насчитывается 1003 темпоральных предложных единиц, в белорусском – 1178¹.

Далеко не все единицы из названного количества можно назвать предлогами, особенно вторичные, имеющие в своем составе знаменательные лексемы. Но объединяет их служебная функция – способность в определенных контекстах выполнять функцию предлога, не покидая границ своей части речи. “Служебный характер единиц данного типа проявляется в том, что они оформляют и квалифицируют отношения между частями синтаксических структур, вместе с тем лексическое значение существительного, создающего каждое из подобных образований, не обнаруживает той степени абстрактности, чтобы новое служебное слово полностью отделилось от породившего его имени” [Шереметьева 2011: 2].

Трактовка категории предлога как морфосинтаксической категории, восходящая к идеям П.П. Шубы [Шуба 1971], получила развитие в ряде программных работ М.В. Всеволодовой [Всеволодова 2004], инициатором которой открыт межнациональный проект «Грамматика славянского предлога в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис», объединивший усилия ученых России (МГУ имени М.В. Ломоносова, руководитель проф. М.В. Всеволодова), Беларуси (проф. М.И. Конюшкевич), Украины (проф. А.А. Загнитко) [Загнитко 2003; Загнитко 2007], Польши, Болгарии и др. Труды участников проекта послужили методологической и теоретической базой для данной статьи, **цель** которой – выявить закономерности в образовании, сочетаемости и функционировании предложных сочетаний, имеющих в своем составе лексемы *время* и *час* в русском и белорусском языках. В силу сказанного выше термин «предлог» используется здесь в качестве объединяющего все изофункциональные предлогу единицы. Цель нашей работы обусловила следующие **задачи**: 1) по имеющимся лексикографическим источникам составить списки предложных единиц с лексемами *время* и *час* в русском и белорусском языках; 2) определить парадигмы предложных единиц с указанными лексемами; 3) выявить закономерности употребления падежно-числовых форм данных лексем в предложных сочетаниях и факторы выбора той или иной числовой формы.

В собранном нами материале лексема *время* является базовой для образования в русском языке более двух десятков предложных единиц: *во время* чего, *во времена* кого/чего, *времен* кого/чего, *времени* чего, *до времени* чего, *за время* чего, *ко времени* чего, *на время* чего, *от времени* кого/чего, *от времен* кого/чего, *по времени* чего, *со времени* кого/чего, *со времен* кого/чего *до* чего, *со времени* чего *и до* чего, *со времени* чего *и до времени* чего, *со времени* чего и др.

Соответствующая ей лексема *час* в белорусском языке обнаруживает большую продуктивность: с ее помощью образуются свыше тридцати предлогов и изофункциональных им единиц: *ад часу* каго/чаго, *ад часаў/оў* каго/чаго, *аж да часоў* каго/чаго, *аж да часу* чаго, *да часу* чаго, *за час* чаго, *за часам* каго/чаго, *за часамі* каго/чаго, *за часоў* чаго, *за часы* каго/чаго, *з-за часоў* каго/чаго, *з часоў* каго/чаго, *з часоў* каго/чаго *да*

¹ В это число вошли также русские соответствия белорусским предлогам и их аналогам, данные в реестре М.И. Конюшкевич [Конюшкевич 2008-2010].

чаго, з часу чаго, з часу каго/чаго і аж па што/які час, з часу чаго (і) да чаго, з часу чаго і да часу чаго, з часу чаго (і) па што, к часу чаго, над час чаго, на час чаго, падчас чаго, пад час чаго, пад час адсутнасці каго, пад час знаходжання на чым, пад час знаходжання ў чым, пад час праверкі чаго, па часах (мн.л.) чаго, па часе чаго, у момант часу чаго, у час чаго, у часе чаго, у часу чаго, у часы каго/чаго, часоў каго/чаго, часу чаго; у часіну чаго, у часіны чаго, з часін чаго.

Количество русских и белорусских предложных единиц не совпадает в силу большей вариативности белорусского языка, о чем будет сказано ниже. Кроме того, в реестре М.И. Конюшкевич находим еще и более расширенные предложные образования в так называемых усложненных синтаксемах: бел. *пад час адсутнасці каго, пад час знаходжання на чым, пад час знаходжання ў чым, пад час праверкі чаго*; рус. *во время отсутствия кого, во время нахождения на чем, во время нахождения в чем, во время проверки чего* и др.

Видимо, не без влияния взаимодействия двух близкородственных языков в русской речи тоже употребляются предложные единицы с лексемой *час* – *в час* чего, *в часы* кого/чего: *Однажды изобразил Башуцкий состояние человека в час жандармского обыска* (Ю. Давыдов). *К ней лепилась разная контра в час скорострельных казней* (Ю. Давыдов). *В часы досуга*. В белорусском языке отмечен также диалектный предлог *ва* *врэмя* чаго: *Ва врэмя вайны ўсё дзелала: малола, сцірала партызанам* (з гаворак Віцебшчыны; паводле дысерт. В.В. Палятаевай).

М.В. Всеволодова обратила внимание на существование в области предлога парадигм: а) “морфологической (речь идет об одной или нескольких падежно-числовых словоформах существительного, используемых в качестве предлога, в то время как другие словоформы в этой функции не употребляются); б) морфосинтагматической – с учетом сочетаемости словоформы с разными первичными предлогами” [Всеволодова 2004: 173].

Образование и функционирование темпоральных предложных единиц с лексемами *время* и *час* подтверждают эти наблюдения. Так, морфологическая парадигма (количество падежно-числовых форм) лексемы *время* состоит только из 2 форм – родительного падежа единственного и множественного числа (*времени* – *времен*): *Я про Британскую империю времён королевы Виктории*². *Эполеты полков российской армии времени царствования Екатерины*.

В сочетании с препозитивными первичными предлогами *во, до, со, за, ко, по, на* лексема *время* образует морфосинтагматическую парадигму, приобретая еще формы винительного, дательного и предложного падежей, а вся парадигма насчитывает уже 18 форм: *времени* – *времен*, *во время* – *во времена*, *до времени* – *до времен*, *за время* – *за времена*, *ко времени* – *ко временам*, *на время* – *на времена*, *от времени* – *от времен*, *по времени* – *по временам*, *со времени* – *со времен*. Если же учесть то, что в терминативных синтаксемах формантами с указанием начальной и конечной точек могут выступать двухчастные предложные сочетания (включая союз *и*) типа *со времени начала войны и до времени ее окончания*, а также то, что в поле таких сочетаний втягиваются другие элементы – аппроксиматоры, показатели точности, частицы, вторичные предлоги (*приблизительно со времени* чего, *точно со времени* чего, *начиная со времени* чего *и кончая* *временем* чего и под.), то границы такой парадигмы начинают терять очертания. Если в языке образуется и функционирует столько предложных форм, то, очевидно, носители языка для дифференциации темпоральной семантики нуждаются в таких многочисленных парадигмах. Но исследователя должно интересовать, каким значением один член такой парадигмы отличается от другого, какие факторы влияют на выбор того или иного форманта.

Попытаемся найти ответ на эти вопросы хотя бы в отношении нескольких падежно-числовых форм морфосинтагматической парадигмы. Поскольку предлог является формантом синтаксемы и входит наряду с лексическим компонентом в состав синтаксемы [Конюшкевич 2005], то и формант, и лексический компонент взаимозависимы в смысловом согласовании. Первичный предлог как часть форманта синтаксемы специализируется в указании определенной денотативной роли синтаксемы (и управляет падежной формой самой лексемы *время*). Например, *во время занятий* – темпоратив, *на время / за время сессии* – дименсив-потенсив, *со времени свадьбы* – терминатив. В контекстах: темпоратив: *Во время следующей остановки водитель предложил выйти. Во время ночного сна кожа наиболее активно восстанавливается*; дименсив: *При таком раскладе Трошев мог возглавить республику на время референдума, вплоть до выборов президента. Хотя бы на время весенне-полевых работ, сева и последующей уборочной кампании. За время войны на юге Тумаши почти отвык от комаров. За время спектакля мы все успели привыкнуть к эффектному красавцу*; терминатив: *И лишь затем под звон колоколов столичный гость вступил на территорию кремля, знаменитого со времён Ивана Грозного* (НКРЯ)³. *История казаков со времён царствования Иоанна Грозного. Со времен динозавров. Самая страшная катастрофа со времен Второй Мировой*.

В принципе лексема *время* во многих подобных предложных сочетаниях выполняет не столько предложную функцию, сколько функцию экспликатора, т.е. обеспечивает удобную грамматическую связь первичного предлога и лексического компонента синтаксемы. Ср.: *взять книгу на день*, но не **взять книгу на командировку*. В данном случае требуется экспликатор *время*, который, естественно, входит в состав форманта, а не лексического компонента синтаксемы: *взять книгу на время командировки*. Особенно важна роль

² Контексты без указания автора взяты из Интернет-ресурсов.

³ Контексты с пометой НКРЯ взяты из Национального корпуса русского языка.

экспликатора в высказываниях с лексическим компонентом, представленным знаком иной семиотической системы, например: *За время Δ электрический ток в соленоиде изменяется на Δ*.

Представляется, что возникновение морфосинтагматических парадигм в языке связано с необходимостью поиска подходящих экспликаторов для связи первичного предлога и лексического компонента таксисного характера, т.е. лексем, называющих другое действие или событие, являющиеся точкой отсчета времени протекания основного действия.

Первичный предлог в сочетании с лексемой *время* может быть и постпозитивным по отношению к ней в синтаксеме: *времен до* чего, *времен после* чего. И эта позиция кардинально меняет его функцию: предлоги *до* и *после* входят в состав не форманта синтаксемы, а ее лексического компонента, в то время как формантом остается только лексема *времен*, которая формирует темпоративно-атрибутивную синтаксему: *Усадьбы времен до гражданской войны с железными балконами и ручной работы лестницами* (НКРЯ). – Ср.: *усадьбы* какие?, *которые были до гражданской войны*. *Художественный театр свелся к очень изящно культивируемой оперетте, а за границу везет показывать свои пьесы и постановки времен до японской войны* (НКРЯ). – Ср.: *показывать пьесы и постановки* какие?, *которые были до японской войны*. *Естественно-научный музей был беднее московских университетских; в Национальной галерее красовалась — подчас чудовищная — живопись времен после войны Севера и Юга, то есть в некотором смысле картины американских передвижников* (НКРЯ). – Ср.: *живопись* какая?, *которая была написана после войны Севера и Юга*. В данном случае перед нами синтаксемные «матрешечные» конструкции, т.е. одна предложно-падежная синтаксема с предлогом *после* (*после войны*), которая в другой предложно-падежной синтаксеме с предлогом *времен* (*времен после войны*) является лексическим компонентом более крупной «матрешки».

Труднее определить факторы, определяющие выбор числовой формы лексемы *время* в предложном сочетании, ибо во многих контекстах обе числовые формы взаимозаменяемы. Ср.: *Акты времени правления царя Василя Шуйского* (Инт). – *Акты времен правления царя Василя Шуйского*. *Новое известие о России времени Ивана Грозного* (НКРЯ). – *Россия времен Ивана Грозного*. И наоборот: *Я про Британскую империю времён королевы Виктории* (Инт). – *Я про Британскую империю времени королевы Виктории*. *Экономика времен царствования Николая II* (Инт). – *Экономика времени царствования Николая II*.

Однако превалирование контекстов с формой множественного числа (*времен*) показывает, что на употребление этой формы влияет значение лексического компонента. Форма *времен* (одиночная или в сочетании с препозитивным первичным предлогом) употребляется, если лексический компонент:

а) называет известную историческую или популярную личность, деятельностью, правлением которой характеризуется тот или иной (причем длительный) отрезок времени: *времён королевы Виктории*, *времен Шекспира*, *времён Иоанна Грозного*;

б) обозначает состояние заметных в истории политических дел: *времен “холодной войны”*, *времен гражданской войны*; *времен первой русской революции*; *во времена Советского Союза*;

в) называет множественность лиц, предметов, явлений: *со времен динозавров*, *во времена героев*, *во времена фараонов*, *со времен наполеоновских войн*.

Примечательно, что если лексический компонент называет известную личность, то форма множественного числа предлога *времен* может быть употреблена без экспликатора: *времен Екатерины II*, *времен Сталина*, *времен королевы Виктории* и т.п. Но при употреблении форманта в форме единственного числа (*времени*) в высказывании требуется ввести экспликатор, называющий деятельность или статус лица: *времени царствования Екатерины II*, но не *времени Екатерины II*; *времен царствования Иоанна Грозного*, но не *времени Иоанна Грозного*; *времен королевы Виктории* – *времени правления королевы Виктории*. Иначе говоря, в форманте *времен* уже имеются семы ‘правление’, ‘длительное время’, которые отсутствуют в форме единственного числа *времени*.

Аналогичные закономерности наблюдаются и в предложных сочетаниях с лексемой *час* в белорусском языке.

В белорусском языке формант, содержащий форму единственного числа лексемы *час*, формирует такие же виды синтаксем, как и в русском языке:

1) темпоративные: *Дзень добры, новая мясіна! Спаткай ты нас, як маці сына Па часе доўгае разлукі ...* (Я. Колас). *Прыпамінаюцца ёй сняданкі пад час вайны з Кітаем, калі муж яе быў на фронце* (Г. Мэт’юз. Пер. Ю. Марголіна). *У час дзённага палявання ці адпачынку ў вадзе праз кожныя 15-20 хвілін чарапахы ўсплывае наверхню*. *У Сынкавіцкай царкве-крэпасці ў часе рэстаўрацыі з’явілася трэшчына*;

2) дименсивные: *За час жыцця пры Саветах пад крылом Масквы мы якраз чужое ўзялі, а свае аддалі* (А. Зэкаў). *Ёсць спакуса ў той самай свабодзе, якую адчуў за час пенсіянерства* (І. Шамякін). *На час перагавораў немцы наладзілі лінію прамой сувязі з Петраградом* (І. Шамякін). *Рэпліка запісана Караткевічам з нагоды абсалютна “сухога” закону, устаноўленага на час падарожжа* (В. Ждановіч);

3) терминативные: *Гурт Sciana адзначае ў жніўні 12 гадоў ад часу заснавання*. *І, праўда, быў накой да часу смерці Казіміра* (К. Тарасаў). *Да часу асваення Еўропы індаеўрапейцы верагодней за ўсё займалі прычарнаморскія і прыволжскія стэпы або нават і шырэішую прастору*. *Споўніцца 150 гадоў з часу паўстання 1863 года супраць Расійскай імперыі*. *Эпізод з часу інфляцыі ў Германіі*.

Различия наблюдаются, как было сказано в начале статьи, в большей степени вариативности (графической, морфологической): русскому темпоративному предлогу *во время* в белорусском языке соответствуют *у час*, *пад час* / *падчас*, *у часе* / *у часу* чаго. Ср. также с формами множественного числа *часы*:

часоў / часаў каго/чаго, за часаў/оў каго/чаго, у часы каго/чаго, за часамі каго/чаго: за часаў рымскага цара Аўгуста, за часамі Рагнеды, Рагвалода і Уладзіміра, у часы Сярэднявечча. В контекстах (некоторые иллюстрации взяты из реестра М.И. Конюшкевич): Я. Анішчанка ў кнізе “Беларусь часоў Кацярыны II” асвяціў старонкі гісторыі беларускага народа. У Глыбокім знайшлі сякеру часоў Івана Жалівага. Грошы Расейскай Імперыі часу царавання Мікалая II. Паблізу Свіцязі і Завосся знаходзяцца Тургановічы, у часы Міцкевіча – радавы маёнтак Верашчакаў (К. Тарасаў). За часамі студэнцтва ў Гомелі я ўзначальваў мясцовую “Талаку” (“Наша Ніва”, 4.02.05). Захаваліся помнікі з часоў Кіеўскай Русі. У французе Я ўпэўнены, як быццам у казырным тузе: Народ ваенны, а ад часаў Тадэвуша Касцюшкі (кожны з тым цяпер змірыцца змушан) Няма ваякі большага за Банапарта (А. Міцкевіч. Пер. П. Бітэля).

Подтверждается и замечание М.И. Конюшкевич о том, что в русской предложной системе активнее формируются морфосинтагматические парадигмы (за счет словоформ и их компоновок с первичными предложениями), в то время как белорусская предложная система обнаруживает большую продуктивность в образовании синонимических рядов (за счет лексем, т.е. введения синонимичной знаменательной лексики) [Конюшкевич 2011: 122]. Так, наряду с лексемой *час* в белорусском языке употребляется в предложной функции лексема *часіна*: *у часіну чаго, у часіны чаго, перад часінаю чаго, з часін чаго* и др. **З часін патапу ў ціхіх – Хата з краю** (Р. Барадулін). **З часін свайго далёкага дзяцінства памятаю Ганцавічы ў трох абліччах.**

Таким образом, мы видим, что формирование и функционирование предлогов и предложных сочетаний с лексемами *время* и *час* в русском и белорусском языках имеет много сходных черт – в падежно-числовых формах, в сочетаемости с первичными предложениями, в парадигмах, в семантическом согласовании форманта и лексического компонента синтаксемы.

Вместе с тем парадигма форм с базовой лексемой *час* более вариативна, причем варианты пока не дифференцируются в семантическом и стилистическом отношении, что можно объяснить, с одной стороны, нестабильностью норм белорусского языка, конкуренцией нескольких течений в становлении этих норм, а с другой – расширением функций данного языка в связи с его статусом государственного. В перспективе – выявление сходств и различий в релятивном потенциале и функционировании русских и белорусских темпоральных предлогов.

Літэратура

Всеволодова и др.: Всеволодова, М.В., Клобуков, Е.В., Кукушкина, О.В., Поликарпов, А.А. и др. Материалы к словарю русских предложных единиц (предлоги и их эквиваленты). Функциональная грамматика реального употребления. Вып. 1. Атрибутированный список в диапазоне букв А-И. Неатрибутированный список в диапазоне букв К-Ю. [Текст]. (В печати).

Всеволодова 2004: Всеволодова, М.В. Предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис. Первые результаты межнационального проекта [Текст] / М. В. Всеволодова // Функціонально-комунікативні аспекти граматыкі і тексту / Зб. наук. праць, прысвечаных ювілею А. П. Загнітка. – Донецьк : ДонНУ, 2004. – С. 173-180.

Загнітко 2003: Загнітко, А.А. Предлог в морфологическом пространстве украинского языка: (Синхронно-контрастные наблюдения) [Текст] / А. А. Загнітко // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 3.

Загнітко 2007: Загнітко, А.П., Данилюк, І.Г., Ситар, Г.В., Щукіна, І.А. Словник українських прийменників. Сучасна українська мова [Текст] / А. П. Загнітко, І. Г. Данилюк, Г. В. Ситар, І. А. Щукіна. – Донецьк : ТОВ ВКФ «БАО», 2007.

Канюшкевіч 2008-2011: Канюшкевіч, М.І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 частках [Текст] / М. І. Канюшкевіч – Гродна, 2008. – Частка 1. Дыяпазон А-Л. – Частка 2. Дыяпазон К-П. – Гродна, 2010. – Частка 3. Дыяпазон Р-Я. – Гродна, 2011.

Конюшкевич 2011: Конюшкевич, М.И. Новації в области белорусского предлога (системное, окказиональное, авторское) [Текст] / М. И. Конюшкевич // Лінгвістычны студіі : зб. наук. праць / Донецький нац. ун-т ; наук. ред. А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонНУ, 2011. – Вип. 22. – С. 121-125.

Конюшкевич 2005: Конюшкевич, М.И. Синтаксемообразующая функция предлога и механизмы предложивания знаменательной лексики [Текст] / М. И. Конюшкевич // Вопросы функциональной грамматики. Вып. 5. – Гродно, 2005. – С. 3-19.

Шереметьева 2011: Шереметьева, Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Владивосток, 2011. – 24 с.

Шуба 1971: Шуба, П.П. Прыназоўнік у беларускай мове [Текст] / П. П. Шуба. – Мінск, 1971.

В статье приводятся списки предложных единиц с лексемами «время» и «час» в русском и белорусском языках, описываются парадигмы предложных единиц с указанными лексемами, рассматриваются виды синтаксем, формируемых формантами, которые содержат лексемы «время» и «час».

Ключевые слова: предлог, предложная парадигма, синтаксема, лексический компонент синтаксемы, формант синтаксемы.

In the article lists of prepositional units with lexemes "time" and "hour" are provided in Russian and Belarusian languages. Paradigms of prepositional units with the specified lexemes are described. Types of syntaxemes formed by formant that contain lexemes "time" and "hour" are considered.

Keywords: preposition, prepositional paradigm, syntaxeme, lexical component of syntaxeme, formant of syntaxeme.

Надійшла до редакції 2 вересня 2012 року.

Елена Скоробогатова

УДК 811.161.1

СПОСОБЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX – XXI ВЕКОВ

Охарактеризованы особенности актуализации нормативных морфологических форм и значений в поэтическом тексте; выделены регулярные способы грамматической актуализации: соположение, аттракция и селекция; рассмотрены разновидности грамматической аттракции и соположения в поэзии. Описана грамматическая доминанта и поэтико-морфологические мотивы как результат грамматической селекции в лирике.

Ключевые слова: поэтическая морфология, грамматическая категория, аттракция, доминанта, поэтико-грамматический мотив.

Проблемы поэтики грамматических категорий и грамматики поэтического языка и текста освещены в современной лингвистике с разной степенью систематичности и детализации (см., например, работы [Ионова 1988; Очерки 1993; Поэтическая 2005]). Одним из нерешенных вопросов является проблема описания способов актуализации морфологических значений в условиях поэтической тесноты, непрерывности, грамматической и смысловой композициональности и стиховой симметрии. Последовательно описана окказиональность как способ выделения грамматических значений, например, в работах К.Ю. Голобородько [Голобородько 2001]. Целью данной работы является характеристика регулярных способов актуализации нормативных морфологических форм и значений в языке русской поэзии XIX – XXI веков.

Среди способов актуализации нормативных грамматических форм и значений в стихотворном языке мы отмечаем три регулярных: отбор (селекцию), аттракцию и соположение. Эти способы универсальны, с их помощью можно выделить грамматическое значение любых поэтических единиц, обладающих планом содержания, и актуализировать любую морфологическую категорию. Выделяется этими способами не одиночная форма или слово, а их соотношенность, взаимодействие в условиях поэтической «тесноты».

Самым регулярным способом актуализации морфологических единиц в поэзии нового времени является морфологическое соположение. Оно служит путем порождения комплексных значений, которые формируются на основе взаимодействия грамем, противопоставленных по определенному признаку. Морфологическое соположение в лирическом произведении представлено межчастеречным и внутрикатегориальными типами.

При соположении однокоренных слов, относящихся к разным частеречным разрядам, в стихотворном тексте актуализируется их лексическое и грамматическое значение. Языковая частеречная категоризация мира реализуется в грамматических формах, а их соположение подчеркивает и выделяет категориальные признаки. Бинарное и многочленное, контактное и дистантное соположение частеречных оппозиций усиливает корневое значение и выделяет со- или противопоставленные частеречно-грамматические значения. Среди морфологических соположений, в основе которых лежит корневой повтор, отдельную позицию занимают те, что образуют устойчивые обороты, и соположения, построенные по моделям устойчивых оборотов. Внутренняя форма в этом случае актуализирует грамматическую динамику. Семантика слов и суггестия приема позволяет расшифровать «намеки на фразеологизм», служит средством создания фасциативности текста.

Внутрикатегориальные однокоренные соположения актуализируют категориальное противопоставление и создают поэтические «приращения» смыслов, порождая поэтико-грамматическую семантику. «Предельным» случаем внутрикатегориального соположения является поэтическое использование категориальной парадигмы.

Регулярным способом выделения морфологических элементов в поэзии является аттракция [Потебня 1968]. Рассматривая морфологическую аттракцию как прием, используемый в поэтической речи, мы определили ее как уподобление в структуре стиха грамматических форм, а также отбор и использование в художественной речи подобных грамматических форм с целью создания и выделения ассоциативных связей, усиления образности, структурирования и ритмизации текста, увеличения его выразительности и фасциативности. Активно используется аттракция форм, которая является приметой фольклорных текстов и в современной поэзии служит средством стилизации. Аттракция морфологических форм является средством создания морфологического упорядочения: морфологической симметрии и морфологического ритма. Регулярно представлено функционирование морфологически подобных симметрично расположенных в стиховом ряду грамем, которые создают своего рода грамматическую симметрию, являющуюся основой образной симметрии и формирующую ассоциативное пространство текста.

Сфера единиц, подвергающихся уподоблению по разным критериям, в русском поэтическом языке расширяется. Это одна из причин, делающих изучение грамматической аттракции востребованным и